

На правах рукописи

АХМЕД Аббас Абдураззак Ахмед

**ТВОРЧЕСТВО АЛЕКСАНДРА БЛОКА
И АРАБСКИЙ ВОСТОК**

Специальность 10.01.01 – русская литература

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Саратов – 2016

Работа выполнена на кафедре русской и зарубежной литературы
федерального государственного бюджетного образовательного учреждения
высшего образования «Саратовский национальный исследовательский
государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

Научный руководитель:

доктор филологических наук, доцент

Мокина Наталья Васильевна

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук,
зав. лабораторией филологии
ФГБУН «Институт социально-
экономических и гуманитарных
исследований Южного научного
центра Российской Академии Наук»

Ларионова Марина Ченгаровна

кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка и культуры
ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная
юридическая академия»

Пырков Иван Владимирович

Ведущая организация:

ФГБОУ ВО «Самарский государственный
социально-педагогический университет»

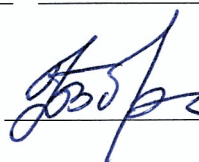
Защита состоится «22» сентября 2016 г. в 16 час. на заседании
диссертационного совета Д 212.243.02 на базе ФГБОУ ВО «Саратовский
национальный исследовательский государственный университет имени
Н. Г. Чернышевского» (410012, г. Саратов, ул. Астраханская 83) в XI корпусе.

С диссертацией можно ознакомиться в Зональной научной библиотеке
Саратовского государственного университета и на сайте ФГБОУ ВО
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского»: <http://www.sgu.ru/research/dissertation-council/d-212-243-02/kandidatskaya-dissertaciya-ahmeda-abbasa-abdulrazzaka>

Автореферат разослан «__» _____ 2016 г.

Ученый секретарь

диссертационного совета

Ю. Н. Борисов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Тема «Творчество А. Блока и арабский Восток» относится, пожалуй, к числу наименее изученных в современном блоковедении. В огромном корпусе исследовательских работ, посвященных блоковскому наследию, сравнительно небольшое число работ затрагивает отдельные аспекты этой многогранной и достаточно важной для Блока темы. Это, прежде всего, диссертация Р. Ф. Бекметова «Категория пути в художественном сознании Блока и проблема восточной литературной традиции», где исследуется влияние арабо-персидского литературного канона «маани» на поэтическое описание возлюбленной лирического героя ранней поэзии А. Блока¹.

А между тем можно говорить именно о теме «Творчество А. Блока и арабский Восток», слагаемыми которой становятся не только стихотворения русского поэта, отмеченные влиянием арабской поэзии или включающие исламские мотивы и образы (например, образ Азраила в стихотворении «Милый друг, и в этом тихом доме...», 1913). Думается, эту тему можно расширить, учитывая, в том числе, и приоритетные не только для Блока, но и для его современников интенции.

Как известно, одна из характерных особенностей культуры Серебряного века – проявляемый ее представителями интерес к древнейшим культурам. И это не только традиционный для русских писателей интерес к средневековой арабской культуре, к поэтическому миру Корана. Особенную актуальность и притягательность обретает для русских поэтов и художников рубежа XIX – XX вв. духовное наследие тех стран, которые в Средние века вошли в Арабский халифат. Они испытали воздействие арабо-мусульманской культуры, но, в свою очередь, и сами обогатили эту культуру собственными духовными традициями. Речь идет и о шумеро-аккадской мифологии, и о египетской культуре, ее мифологии, духовно-религиозном, мистическом опыте, о египетском колорите сказок из сборника «Тысяча и одна ночь». И именно египетская культура – в разных ее аспектах оказывается значимой и для А. Блока, о чем свидетельствуют и письма, и статьи, и лирические, и драматические произведения русского поэта. Своеобразие блоковского истолкования египетских мотивов и образов и станет важным слагаемым в осмыслении темы «Творчество А. Блока и арабский Восток».

Другим слагаемым становится блоковское «присутствие» в литературах арабских стран: творчество поэта также вызывает интерес арабских писателей и переводчиков, создавших свои поэтические версии блоковских произведений, своего рода «арабского» Блока. В арабском мире изучением творчества Блока занимаются: Али Н.Ф., Хесеб аш-шейх Джафар, Шерара Х. (Ирак); Эль Умари Ш., Д. Хафуд С., Истанбули И. (Ливан); Абу Эльшаар А., Хури Б. (Сирия); Тевфи С., Адхам Б., Лутфи Х. (Египет); Салих Х. (Судан), Салех бен Али аль-Хаммади

---

¹ См.: Бекметов Р. Ф. Категория пути в художественном сознании Блока и проблема восточной литературной традиции : дисс. ... канд. филол. наук : 10.01.01. Казань, 2007. С. 144-184.

(Саудовская Аравия) и др. Им принадлежат статьи, в основном биографического характера, или переводы отдельных блоковских произведений.

В свою очередь, осмысление каждого из аспектов темы невозможно вне контекста – арабской русистики XX столетия и русской культуры Серебряного века, с характерным для нее эклектизмом, пристальным вниманием представителей этой эпохи к древним мировым культурам. Именно в русле художественных исканий, определивших своеобразие искусства Серебряного века, и становятся очевиднее причины актуализации египетских мотивов и образов в творчестве Блока и их особенные аспекты.

Актуальность данного исследования обусловлена, с одной стороны, необходимостью обращения к еще не освоенной современным литературоведением проблеме рецепции творческого наследия А. Блока в арабских странах, в инонациональной и иноконфессиональной культурной среде, с другой стороны, анализом разных аспектов египетской темы в творчестве русского поэта Серебряного века, что позволит включить новые страницы в диалог двух великих культур – арабской и русской.

Научная новизна заключается в том, что впервые предметом специального исследования становятся разные аспекты египетской темы в творчестве А. Блока. Кроме того, впервые анализируемые факты арабской рецепции А. Блока и переводы его произведений на арабский язык рассматриваются в комплексном единстве, а в научный оборот впервые вводится широкий круг материалов, прежде всего, переводы блоковских произведений на арабский язык.

Теоретическое значение исследования состоит в том, что результаты подобной компаративистской научной работы могут служить теоретической основой для дальнейших исследований рецепции русской поэзии в странах арабского Востока.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования материалов, результатов и выводов диссертационного исследования в курсе истории русской литературы рубежа XIX-XX вв., при подготовке специальных курсов, посвященных проблемам русско-арабских литературных связей, а также теории и практики художественного перевода.

Методы исследования. Для решения поставленных задач использовались следующие методы исследований: системный подход к изучению восприятия иноязычного литературного произведения, метод сравнительно-исторического анализа, необходимый для восстановления целостной картины рецепции лирических и лиро-эпических произведений, метод сопоставительного анализа подлинника и переводов, позволяющий определить индивидуальные подходы переводчиков к передаче поэтических и культурно-специфических элементов оригинального текста, элементы герменевтического метода для истолкования отклонений от оригинала в текстах арабских переводов.

Теоретико-методологическую базу диссертации составили труды отечественных и зарубежных блоковедов (Н. А. Богомолова, Л. Я. Гинзбург, Н. Ю.

Грякаловой, Д. М. Магомедовой, Д. Е. Максимова, О. Матич, З. Г. Минц, Л. Г. Пановой, А. Ханзен-Лёве и др.), специалистов по сравнительному литературоведению, разрабатывавших основные положения сравнительно-исторического метода (М. П. Алексеева, А. Н. Веселовского, В. М. Жирмунского и др.) и проблемы диалога культур (М. М. Бахтина, Ю. М. Лотмана и др.), исследователей теоретических проблем лирики и теории перевода лирических текстов (Л. Я. Гинзбург, М. Л. Гаспарова, Ю. М. Лотмана, Н. Д. Финкельберг, Ю. Л. Оболенской и др.). В диссертации также используются работы русских арабистов (И. Ю. Крачковского, А. А. Долининой и др.) и арабских русистов: Али Н.Ф., Шерара Х. (Ирак); Эль Умари Ш., Д. Хафуда С., Истанбули И. (Ливан); Абу Эльшаара А., Хури Б. (Сирия); Тевфи С., Адхама Б., Лутфи Х. (Египет); Салиха Х. (Судан).

Целью исследования является изучение специфики рецепции творчества А. Блока в арабских странах: критической интерпретации его творчества и переводов его произведений на арабский язык, а также осмысление семантики и функций египетских мотивов и образов в произведениях поэта.

Для осуществления намеченной цели необходимо решение следующих **задач**:

- рассмотреть историю изучения творчества поэта в арабских странах и отметить как общие, так и особенные тенденции в восприятии творчества и личности А. Блока арабскими русистами;

- с помощью сравнительного анализа произведений А. Блока и их переводов на арабский язык показать характерные для арабской переводческой школы стратегии;

- выявить причины – личные и общекультурные, определившие актуальность и семантику египетских мотивов и образов в творчестве Блока и его современников.

Объектом изучения является весь корпус созданных в XX и XXI веках переводов блоковских произведений на арабский язык в различных странах, критические статьи арабских филологов, посвященные творчеству поэта, а также все три книги наследия Блока.

Предмет исследования – концепции творчества Блока, представленные в статьях арабских литературоведов и журналистов; стилистические, поэтико-изобразительные особенности переводов произведений Блока на арабский язык, а также египетские мотивы и образы в произведениях Блока.

Положения, выносимые на защиту:

- В многогранном поэтическом мире А. Блока востребованными арабскими критиками и читателями оказываются, прежде всего, мотив ненависти к старому миру, вера в преображение мира революцией и вечная тема любви. Блок-символист, создавший поэтический миф о Вечной Женственности, оказался менее близким арабским читателям;

- Неточность в денотации при переводе произведений Блока оборачивается значительным семантическим упущением. Теряются символические смыслы, намеренно непроговоренное проговаривается в переводе, разъясняется читателю. Тем самым у поэтического слова отнимается его потенция к многозначности.

- Тяготение переводчиков Блока к разъяснению смыслов, к выстраиванию фабульных цепочек объясняется экстралингвистическими особенностями восприятия творчества классика, стремлением дописать понятную арабскому читателю историю любви. Отсюда и уход от смысловой детализации, желание придать семантике слов ярко выраженную эмоциональность.

- Генезис египетских мотивов и образов в творчестве Блока связан с актуальной для младосимволистов проблемой египетских мистерий посвящения. Мистериальный опыт находит свое объяснение в понимании высокой миссии поэта-символиста – теурга, призванного к преобразению мира.

- Глубоко личное восприятие мистериального опыта нашло воплощение в представлении А. Блоком своего лирического героя неофитом, проходящим путь к посвящению, и стало источником появления образа жреца как в ранних стихотворениях, так и в поздней пьесе «Рамзес». Образ сфинкса является призмой, в которой отражается путь лирического героя Блока на протяжении трех книг его поэтического романа.

- Женские образы в лирике Блока – Клеопатра, Незнакомка, Снежная Дева – также оказываются подчинены египетской теме. Каждый из образов может быть истолкован как демонический двойник Прекрасной Дамы, как воплощение «противообраза» Софии.

- В пьесе «Рамзес» реалии египетской жизни позволяют А. Блоку акцентировать вечный смысл пророческого служения и представить как вечный конфликт противостояние поэта и толпы, пророка и власти.

Структура диссертационного сочинения представляет собой введение, три главы, заключение и библиографический список, насчитывающий более 200 наименований.

Апробация основных положений проходила в 2014 году в рамках Всероссийской научной конференции «Проблемы филологического образования» на базе Саратовского государственного национального исследовательского университета имени Н.Г. Чернышевского, на XXXIV Зональной конференции литературоведов Поволжья в Казани, а также на Международной научной конференции «Третьи Бочкарёвские чтения» (XXXV научная конференция Зонального объединения литературоведов Поволжья) (Самара, 2016).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы, аргументируется научная новизна работы, ставится цель, определяются задачи и методология исследования, формулируются основные положения, выносимые на защиту, говорится об апробации научных результатов и их возможном дальнейшем применении. В этой

части диссертации рассмотрен вопрос о степени освоения современной филологической наукой искомой темы.

Первая глава «Рецепция творчества А. Блока в арабской русистике» открывается параграфом **«Методологические основания для анализа диалога разных культур»**, где рассматриваются проблемы «диалога» разных культур, различные формы рецепции и специфика инокультурной рецепции, которая имеет свои отличия от результата внутрикультурной рецепции: избирательность, характерное для нее «ответное понимание, предполагающее оценку: согласие или отталкивание» (М. К. Бронич). Автор рассматривает те факторы, которые определяют и необходимость обращения к художественному опыту писателя представителей иной культуры (прежде всего, критиков и переводчиков), и трансформацию этого опыта в инокультурной среде, его «воссоздание»-«пересоздание». Высказанные исследователями-компаративистами «методологические соображения» позволяют понять и механизмы рецепции творчества А. Блока в странах арабского Востока.

Критической рецепции творчества А. Блока в странах арабского Востока посвящен параграф **«Изучение творчества А. Блока в странах арабского мира»**, где прослеживаются основные этапы постижения творческого наследия поэта в странах арабского Востока.

Устанавливается, что имя Александра Блока стало известно арабским читателям в 1908 году, когда в каирском журнале «Эль-Хиляль» («Полумесяц») был опубликован перевод одного из самых известных стихотворений поэта «Незнакомка», выполненный маститым египетским писателем и переводчиком С. Тевфиком². Этот перевод был осуществлен с французского языка. Здесь же была опубликована и небольшая статья переводчика, где подчеркивалась принадлежность Блока к символическому направлению. При этом автор ссылался на французские литературные журналы, где были опубликованы переводы блоковских стихотворений.

После этой публикации, не пробудившей интереса к русскому поэту, наступает достаточно долгий период молчания о Блоке. Лишь в 1932 году египетский писатель и переводчик с русского Х. Лутфи публикует в журнале «Аль-Муктатаф» («Отрывок») статью «Влюбленный поэт», где он знакомит арабских читателей с творчеством Блока.

Основное внимание автора статьи привлек сборник Блока «Стихи о Прекрасной Даме». Эти стихи, написанные Блоком в период с 1901 по 1903 гг., и нашли живой отклик у переводчика, увидевшего, однако, в них только поэтизацию первой любви. Лутфи восхищался этими произведениями, увидев несомненную близость этих стихов любовным стихам арабских авторов. Именно поэтому автор статьи назвал Блока «меджнуном». Ведь Блок, как и арабский юноша, который от

---

² 7 سليم توفيق // مجلة الهلال (الغربية) مصر - القاهرة , العدد 12 لسنة 1908 ص 7 // Эль-Хиляль. Египет. Каир. 1908. № 12. С. 7.

любви к Лейле сошёл с ума, безумно любил свою невесту Л. Менделееву, и эту любовь он пронёс через всю жизнь, до самой смерти. Героиню ранней блоковской лирики и влюбленного героя автор статьи называет «Лейла и Меджнун» поэзии Блока. При этом Лутфи ссылается на статью одного из французских критиков (его имя не названо), где подчёркивалось, что «...традиция восточной, классической литературы... оказывает воздействие на А. Блока в тот период, когда его прекрасная романтическая поэзия находилась под влиянием эстетики символизма»³.

В тридцатые годы XX века также появляются и другие публикации, посвященные А. Блоку. Однако интерес к русскому поэту связан не только с любовной лирикой поэта, но и с его поэмой о революции, что определялось политической ситуацией в арабских странах.

Сирийский журнал «Ат-Талиэ» («Авангард») в одном из номеров 1939 года опубликовал статью о Блоке, автор которой, Басил Хури, основываясь, вероятнее всего, на той концепции пути Блока от символизма к реализму, которая утверждалась в советском блоковедении, характеризовал поэму «Двенадцать» как вершину творческого пути Блока, свидетельство его революционных позиций и сближения с реализмом⁴.

В качестве еще одного примера приводится статья египетского писателя Адхама о творчестве Блока, опубликованная в 1933 году в каирском журнале «Аль-Муктатаф» («Отрывок»). В ней говорилось об отношении Блока к прошлому и о характере видения Блоком будущего. По мнению автора статьи, Блок всегда верил в живую диалектику трёх основных элементов жизни: прошлого, настоящего и будущего. Исторические события, пишет Адхам, освещались у Блока заревом будущего, в частности, крупная битва на Куликовом поле, к которой Блок обращался неоднократно, справедливо придавая ей решающее значение в судьбе своего народа. Автор статьи указывает на то, что Куликовская битва, завершившаяся победой русского войска во главе с московским князем Дмитрием Донским, долго занимала внимание Блока⁵.

Внешними и внутренними проблемами жизни арабских стран определяется и преимущественный интерес арабских критиков к публицистике А. Блока в 40-е и 50-е годы XX века. В этот период и арабская периодика была насыщена литературой на военную тему. Именно поэтому среди переводимых на арабский язык материалов о войне и сопротивлении в России оказываются те произведения Блока, которые были связаны с проблемой отношения интеллигенции к

³ لutfي X. Влюбленный поэт // Аль-Муктатаф. Египет. Каир. 1932. № 12.

⁴ باسل خوري // مجلة الطليعة – (بلوك والموقف الذي اتخذته الشاعر من ثورة 1917), سوريا – دمشق رقم 9 لسنة 1939 ص 12. Хури Б. О Блоке и об отношении поэта к революции 1917 г. // Ат-Талиэ. Сирия. Дамаск. 1939. № 9. С. 12.

⁵ Adхам. Революция и поэт // Аль-Муктатаф. Египет. Каир. 1933 №8.

политическим переменам. Так, в иракском журнале «Ар – Рабита» («Лига») в 1945 г. был опубликован отрывок из статьи «Народ и интеллигенция» (1908). «Общественные» темы акцентируются и в статьях, посвященных творчеству А. Блока. Так, в статье Х. Салиха, появившейся на страницах суданского журнала «Ум-Дерман»⁶ и посвященной теме народного возмездия в творчестве мировых поэтов, А. Блок представлен как автор ярких произведений на эту тему. Сам выбор произведений для перевода или для анализа, как и само истолкование блоковских произведений, явно соответствовали «социальному заказу» времени.

Несмотря на указанные публикации, следует отметить, что в арабских странах имя Александра Блока не было столь широко известным в литературных кругах в середине XX века, как имена Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова. Однако интерес к творчеству А. Блока не исчезает, объединяя и новые поколения переводчиков. Этот интерес к поэту и – еще более очевидно – к русской литературе в целом определялся тем, что в 1944 году были установлены дипломатические отношения между Ираком и СССР. Затем, в 1958 году, на базе Багдадского университета открывается кафедра русского языка, целью которой является подготовка кадров по изучению языков. Государство стремится к установлению связей с культурой и искусством других народов. Те же тенденции характеризуют и культурную жизнь в других арабских странах.

Новый этап в освоении блоковского творческого наследия, как отмечается в диссертации, связан с деятельностью Абу-Бакра Юсефа, египетского писателя, известного переводчика с русского языка на арабский, который получил высшее образование в России и работал переводчиком в издательстве «Прогресс», затем «Радуга». А.-Б. Юсеф перевел избранные стихотворения Блока: они были изданы отдельной книгой с предисловием о жизни и творчестве Блока.

Описывая жизненный и творческий путь поэта, А.-Б. Юсеф опирается на концепции русского блоковеда В. Орлова, автора известной монографии, где была воссоздана жизнь и творчество Александра Блока по его дневникам, письмам, сочинениям, а также по свидетельствам людей, хорошо знавших поэта. В то же время в предисловии отразилось и стремление переводчика усилить революционный пафос блоковских стихотворений, представить Блока буревестником революционного движения. По мнению А.-Б. Юсефа, жаждающая тоска по гуманной правде – это одна из отличительных черт блоковской позиции, определившая его путь как путь «среди революций»⁷.

В предисловии А.-Б. Юсеф подчеркивает величие таланта Блока, молодость его души, идеальную искренность, его живую, непримиримую совесть и высокое чувство ответственности и гражданственности. Также автор говорит о тонкой

⁶ Салих Х. حميد صالح // مجلة ام درمان , (الناس والانتقام في الشعر العالمي) , السودان , العدد 11 لسنة 1946 ص 8

⁷ Блок А. ابوبكريوسف // الكسندر بلوك مختارات شعرية (مسيرة الشاعر) , موسكو - رادوغا 1985 ص 7-25

душе поэта, которая видела сквозь тьму и оковы другое лицо России, измученное и бедное. Под строгим лицом поэта скрывалось весьма чувствительное и ранимое сердце и огромная любовь Блока к свободе и счастью своего народа. Автор статьи слышит в поэзии Блока выражение голоса его народа и видит его лицо, искажённое от боли и нескончаемых мук.

Символизм и мистика рассматриваются А.-Б. Юсефом как временные увлечения поэта, «не исказившие» творческий путь Блока и его гуманную лирику. Примером такой победы реализма над символизмом становится для переводчика стихотворение 1903 г. «Фабрика». А.-Б. Юсеф подчёркивает как доминанту творчества русского поэта – его враждебность ко всякого рода угнетению и к алчным эксплуататорам. Эта позиция А. Блока определила его признание революции 1905 года. Но и революция, в свою очередь, оказала влияние на поэта: революционные события способствовали повороту Блока от символизма к реализму, а тема революции становится основной в творчестве поэта. Еще более «выпрямленным» представляется описание последующей жизни и творчества А. Блока: поэт представлен не только певцом революции, но и активным защитником интересов революции.

Важную роль в формировании «арабского Блока», как отмечается в диссертации, сыграл и известный иракский поэт, русист, переводчик, выпускник Института мировой литературы имени М. Горького в Москве (в 60-х годах XX века) – Хесебь аш-шейх Джафар. Джафар опубликовал в 1981 году книгу переводов «Александр Блок. Избранные стихотворения» (куда вошли его переводы стихов А. Блока из сборника «Стихи о Прекрасной Даме», циклов «Город», «Страшный мир» и др.).

Иракская русистка, выпускница филологического факультета МГУ, доктор филологических наук Хайят Шерара во вступительной статье к книге «Антология русской поэзии» (1983) много страниц отвела творчеству Александра Блока. Очерк сопровождается переводами стихов поэта. Х. Шерара затронула такие проблемы, как образ России в поэзии Блока, своеобразие лирики любви Блока, философские взгляды Блока, поэма «Двенадцать» в оценке западной критики.

Доктор Шерара считала поэму «Двенадцать» наиболее ярким выражением отношения Блока к революции. Блок как лирик-мыслитель соединил в этой поэме образы России, народа и революции. Двенадцать красногвардейцев Хайят Шерара истолковала как «послов свободы» России. По словам исследовательницы, философия Блока заключалась в том, что он считал долгом лирика защищать свободу человека и быть совестью общества⁸.

Обращаясь к публикациям арабских русистов, которые появились в последние десятилетия XX – начале XXI вв., автор диссертации отмечает вклад в

---

⁸ د. حياة شرارة // (الكسندر بلوك) مقالات قصيرة وقصائد مختارة , مختارات من الشعر الروسي , مؤسسة دار النشر العربية , لبنان – بيروت 1983

исследование лирики Блока Салеха бен Али аль-Хаммади, арабского писателя и журналиста из Саудовской Аравии, обозревателя одного из самых известных журналов на Ближнем Востоке, – «Journal International». Хаммади – один из немногих арабских исследователей, кто не акцентировал политический пафос блоковского творчества. Характерно уже название его статьи, опубликованной в 2012 году в журнале «Альнур» («Свет»): «Русский поэт Александр Блок. Страницы тоски и одиночества»⁹. Мотивы тоски и одиночества, по мнению С. А. Хаммади, пронизывают все творчество поэта, обретая с течением времени все более трагическую тональность. Хаммади истолковывает поэзию Блока и как новое слово в искусстве, и как развитие классических традиций. Нет сомнений, утверждает автор публикации, что поэзия Александра Блока так многогранна и богата потому, что вбирает в себя, впитывает многое из творчества А. Пушкина, Н. Некрасова, М. Лермонтова, Ф. Достоевского.

Серьезный вклад в распространение и изучение поэзии Блока вносит Абу Эльшаар А., сирийский поэт, журналист, который в настоящее время работает на канале «Россия сегодня» в Москве. Он сделал перевод поэмы Блока «Двенадцать», который опубликовал со своим предисловием¹⁰.

Подводя итоги восприятию и изучению лирики Блока в арабских странах, автор диссертации приходит к выводу, что собственно «символистский» элемент в творчестве Блока, в сущности, доминанта его художественного мира оказалась мало востребованной арабскими русистами и переводчиками. Гораздо более привлекательной оказалась «реалистическая» составляющая блоковской поэзии, прежде всего, отражение политических переломов, революции в творчестве Блока, прозвучавшие в лирике поэта мотивы возмездия. Эта же интенция определяет и интерпретацию блоковского пути, динамика которого, по мнению арабских русистов, обнаруживает направленность от символизма к реализму.

Ключевое место во второй главе диссертации «**Переводы поэзии А. Блока на арабский язык как аспекты рецепции**» занимает анализ переводов произведений разного периода творчества Блока на арабский язык. Глава открывается параграфом «**Проблемы перевода ранних стихотворений А. Блока на арабский язык**». В нем сосредоточены наблюдения над переводческими стратегиями при переложении на арабский язык ранних стихотворений поэта.

Касаясь концептуальных особенностей перевода с русского языка на арабский, автор диссертации указывает на ряд характерных черт, свойственных арабским переводам. Отмечается, что специфика перевода с русского языка на арабский, как признают исследователи, еще не имеет достаточной теоретической базы и исследована лишь в отдельных ее аспектах. Этой проблемы касались

⁹ صالح الحمادي // النور (الشاعر الروسي الكسندر بلوك) - صفحات من الحزن والوحدة 1880 - 1921 2012/07/06 427 قراءات Аль-Хаммади. Страницы грусти и одиночества // Альнур. 2012.

¹⁰ 2009 . الثقافة والفن . روسيا اليوم // ايمن ابو الشعر // أبو Эльшаар. Александр Блок // Россия сегодня. Культура и искусство. 2009.

И. Ю. Крачковский, А. Долинина, Н. Д. Финкельберг, М. И. Сивохо и др., указавшие на то, что влияние на стратегию арабского переводчика оказывают конвенциональные нормы перевода, а особенные трудности состоят в передаче на арабский язык стилистических коннотаций,

Арабские переводчики нередко создают прозаический перевод и стремятся передать точный смысл оригинала. Это, с одной стороны, соответствует своего рода закону перевода, установленному Аль-Джахизом, известным философом, согласно которому, стихотворение нельзя изменить при переводе, так как оно потеряет свой смысл. Однако, с другой стороны, прозаический перевод поэзии уже является изменением, так как лирика – особый род литературы, где, как известно, «слово больше самого себя» (Л. Я. Гинзбург), где дополнительные, причем, крайне важные нюансы «включают» в замысел собственно лирические средства: рифма, ритмико-интонационная система, звукопись и др. Прозаический перевод, безусловно, утрачивает все эти способы выражения авторской позиции. Но, тем не менее, и он представляет интерес, позволяя узнать мир другого поэта, представителя иной национальной стихии.

Кроме нарушения семантической целостности текста, при переводе русского поэтического текста происходят и другие неизбежные трансформации, которые определяются именно особенностями арабского языка. Одному русскому слову могут соответствовать сразу несколько арабских слов, которые имеют особенные коннотации. Таким образом, носитель арабского языка оказывается перед сложной проблемой выбора между разными словами. Отсутствие адекватного перевода можно объяснить и тем, что в арабских языках преобладают глаголы, в отличие от русского, в котором более частотны именные слова.

Кроме того, в арабском языке есть четкое разделение литературного и нелитературного языка. Переводы осуществляются только на литературном языке, что не позволяет передать стилистическое своеобразие тех стихотворений, в которых ключевую роль играют разговорные или просторечные слова.

Несомненно, еще большие сложности возникают, когда арабский переводчик обращается к символическому поэтическому тексту.

Как известно, «символизм – искусство, основанное на символах», – о чем писал один из теоретиков этого направления Вяч. Иванов. Оно раскрывает «в вещах окружающей действительности символы, то есть знамения иной действительности». Но это – не «простой иероглиф», как утверждал Вяч. Иванов, а «таинственный, ибо многозначный, многосмысленный»¹¹. Именно с этой «многосмысленностью» символов и связана основная трудность перевода, так как невозможно передать весь спектр значений, «сквозящих» в ключевых образах символистских стихотворений.

Если для русского читателя возникают дополнительные, «соловьевские» смыслы, когда он встречается на страницах блоковских стихотворений образы

---

¹¹ Иванов Вяч. По звездам. Борозды и межи. М., 2007. С. 180, 179.

«зари», «вечера», «весны» и т. д., то для арабского читателя это только указание на время действия. Точно так же утрачивает важнейшие сакральные, «соловьевские» коннотации образ-символ «лазурь», заменяемый «синевой» в переводе.

В параграфе проводится сравнительный анализ оригиналов и переводов ранних блоковских стихотворений, выполненных Сабри Хафудом («Я вышел. Медленно сходили...»), «Ветер принес издалёка...»), «Тихо вечерние тени...»), «Я понял смысл твоих стремлений...»), «Ты отходишь в сумрак алый...»), «Сбылось пророчество моё...»), «Я недаром боялся открыть...»), «Одинокий, к тебе прихожу...»), Ибрагимом Истамбули («Ночь на Новый год») и Салехом бен Али аль-Хаммади («Верю в Солнце Завета»).

Подводя итоги сравнительному анализу ранних блоковских стихотворений и их переводов, осуществленных различными переводчиками, автор отмечает общность переводческих стратегий при переложении символистского текста на арабский язык. Причем эти тенденции оказываются, действительно, общими, вне зависимости от авторства поэтического переложения. Во-первых, в переводах исчезает символический подтекст, определяемый развитием соловьевского «мифа о мире», – явления-нисхождения Души мира в тварный мир, утрачиваются значимые для понимания смысла блоковского текста мифологические, библейские, фольклорные, литературные аллюзии. Во-вторых, вполне объяснимая и допустимая в труде переводчика неточность в денотации в случае с поэзией Блока оборачивается значительным семантическим упущением. Речь идет о потере символических смыслов, когда намеренно непроговоренное проговаривается в переводе, разъясняется читателю. Тем самым у поэтического слова отнимается его потенция к многозначности, происходит упрощение смыслов, переход в плоскостные образы, утрата семантического объема.

Автор диссертации высказывает убеждение, что тяготение переводчиков Блока к разъяснению смыслов, к выстраиванию фабульных цепочек объясняется экстралингвистическими особенностями восприятия творчества классика, стремлением дописать понятную арабскому читателю историю любви. На примере нескольких стихотворений видно, как порой эта история обрастает даже мелодраматическими подробностями, что вовсе не свойственно мировосприятию Блока, но так органично для менталитета восточной литературной культуры. Отсюда и уход от смысловой детализации, желание придать семантике слов ярко выраженную эмоциональность.

Предметом исследования во втором параграфе **«Лирика второго тома А. Блока в арабских переводах. Переводы стихотворений «Незнакомка» и «Клеопатра» на арабский язык»** становится сравнительный анализ наиболее известных стихотворений А. Блока из второго тома лирики и их переводов. Автор обращается к четырем переводам стихотворения «Незнакомка», выполненным разными переводчиками в разные годы, и отмечает общие тенденции и особенные аспекты, определяемые индивидуальностью переводчика, при переложении текста

на арабский язык.

Так, по мнению автора диссертации, все переводчики акцентируют внимание на «реальном» плане стихотворения, на земном облике Незнакомки.

«Незнакомка» в переводе Абу Эльшаара отличается от блоковского текста большей «прозрачностью» и конкретностью: «реальнейшее», мерцающее за «реальным» в блоковском стихотворении, исчезает. Перед нами – загородная жизнь, с ее суетой, скучной повторяемостью, обыденностью и прозой. На фоне этой прозаической действительности Незнакомка – только красивая девушка, причем нельзя не заметить, что переводчик стремится сделать образ более конкретным, земным и даже менее идеальным. Блоковские символы и «антисимволы» (З. Г. Минц), собственно, утрачивают «бесконечность» смыслов и становятся только яркими образными деталями. Более обыденной, земной, лишенной мистического содержания кажется и драма лирического героя: по воле переводчика – она только в том, что любовь недостижима.

К стихотворению «Незнакомка» в 2006 году обращается и иракский журналист и переводчик Фалех Эль-Хумрани¹², доктор филологических наук, выпускник МГУ. Он делает перевод и анализ стихотворения. По мнению переводчика, это произведение насыщено символами, поэтому при анализе стихотворения можно увидеть за внешним рядом образов второй ряд, не поддающийся однозначному толкованию. Однако сам перевод Эль-Хумрани подчиняется характерной для арабских переводчиков тенденции к предметному выражению смыслов в лирическом тексте, что должно было позволить прояснить в блоковском тексте то, что казалось неясным. Это особенно очевидно в описании природных явлений или деталей, отражающих душевное состояние персонажа. Так, например, блоковский образ «чуть золотится крендель булочной», представляющий собой метафору, преобразуется в сравнение – «полумесяц в виде хлеба позолоченного на витрине пекарни». Тем самым переводчик скрытую соотнесенность земного и небесного миров в блоковском стихотворении «проговаривает», лишая, в сущности, образ многозначности.

На конкретных примерах показано, что переводчик не смог тонко и точно передать трагедию героя, вынужденного жить в обезбоженном мире. В стихотворении Блока мысль об утрате миром высшей красоты, божественного начала, например, имплицитно передавалась с помощью лексики: в частности, благодаря соединению слов «дама» (ключевого в первом томе лирики и указывающего на одно из воплощений Вечной женственности – Прекрасную даму) и «канава» («Среди канав гуляют с дамами / Испытанные остряки»). Так возникал своеобразный оксюморон, отражающий и мысль о дисгармонии мира. В переводе эти дополнительные коннотации исчезают: переводчик увидел и передал только

---

¹² فالح الحمراي // لکسنڊر بلوک و قصيدته – الغريبة - الحوار المتمدن- العدد: 1597 - 2006 / 6 / 30 - المحور: الادب والفن
Эль-Хумрани Ф. Александр Блок и его стихотворение «Незнакомка» // Искусство и литература. Ирак. № 1597.

«первый план» описания, лишив его трагического подтекста: «Гуляют с дамами опытные и приятные мужчины».

В блоковском мире стихотворения «Незнакомка» образ вина оказывается амбивалентным. Помимо тлетворного, разрушающего влияния, оно несет в себе и в какой-то степени созидающее начало. Благодаря вину герой оказывается в пограничном состоянии, перед ним открывается другая реальность, свершаются откровения. Однако переводчик приписывает вину только отрицательные коннотации. Если у Блока – «И все души моей излучины / Пронзило терпкое вино», то в арабском переводе по понятным общекультурным и религиозным причинам автор не смог передать этого пограничного состояния души: «И жгучее вино стало мучить меня».

Отмечено, что принципиальных отличий третий перевод, принадлежащий Абу-Бакру Юсефу, от прочих не имеет¹³. Особенности этого перевода, пожалуй, только в стремлении автора «приукрашивать» описания, в частности, внешний облик героини, представляя ее только земной. Незнакомка является не просто обладательницей колец и бриллиантов, не только «узкой руки», но и маленьких пальцев. Гораздо более серьезные расхождения с блоковским оригиналом касаются характеристики лирического героя. Автор перевода максимально упрощает сюжет стихотворения: причиной прекрасного видения Незнакомки в арабском переводе становится алкоголь, в одурманенной вином голове героя роятся бессвязные причудливые образы и ощущения: перья, глаза, тайна. В этом контексте выражение «истина в вине» приобретает очевидный, можно сказать, вульгарный, антипоэтический смысл.

И, наконец, еще один перевод «Незнакомки» выполнен известным иракским поэтом и переводчиком Х. Ш. Джафаром¹⁴. Этот перевод отмечен той же тенденцией к актуализации земного плана, что и определяет большую конкретность в описании Незнакомки, лишенной своего поэтического и мистического ореола. В таком земном контексте вполне уместны такие детали, как худая рука, нерешительные глаза. Эти детали не только лишают образ Незнакомки тайны, но изменяют даже её земную природу. Особенно очевидно это изменение в появлении такой детали, как крадущая походка. В переводах изменен и образ мира, он становится более зримым, например, появляются эпитеты: сухие каналы, мрачный дом в пригороде и др. Таким образом, героиня и окружающий мир предстают перед лирическим героем подчеркнута материальными.

Во второй части параграфа речь идет о переводе другого известного блоковского стихотворения «Клеопатра», которое имеет непосредственное отношение к теме исследования. Стихотворение привлекло внимание иракского

¹³ 98 – 94 ص 1985 رادوغا - موسكو - (الغريبة) , الكسندر بلوك مختارات شعرية (العربية) // Юсеф Абу Бакр. А. Блок. Избранные стихи. М., 1985. С. 94-98.

¹⁴ 26 -24 صحيفة 1981 لسنة 105 العدد , العراق - بغداد - (قصائد مختارة) // الكسندر بلوك - قوائد مختارة) , بغداد - العراق , العدد 105 لسنة 1981 صحيفة 26 -24 . Х. Ш. Александр Блок. Избранные стихотворения. Ирак. Багдад, 1981. С. 24-26.

священника» (ايها الرفيق القس), во многом создаваемая благодаря почти оксюморонному соединению слов «товарищ» и «поп» в оригинале, а также повторяемому слову «брюхо», соединяющемуся с «крестом». В арабском переводе это описание сохраняет яркость, но утрачивает иронию именно потому, что сниженная лексика заменяется нейтральными словами¹⁶.

В диссертации акцентировано внимание на том, что переводчика в большей степени заботила максимально точная передача фабулы оригинала. Автор, создавая буквальный перевод, единицей перевода делает слово, он стремится найти точные арабские аналоги блоковским опорным словам, хотя те дополнительные, крайне важные коннотации, которые имеют эти слова в блоковском творчестве, их символический смысл почти полностью исчезают: ветер – это только ветер, как и ночь (заменившая блоковский вечер), и снег.

И все же, несмотря на неизбежные при переводе символистского текста утраты, следует признать способность переводчика воссоздать именно блоковскую, наполненную контрастами, яркими реалиями картину полночного Петрограда, где соединяются трагическое и комическое, высокое и низкое, сакральное и демоническое, земное и космическое.

Те же выводы применяются и к переводу Абу Эльшаара. В этом переводе, пожалуй, еще более очевидно, чем в версии Абу-Бакра Юсефа, подчеркиваются конкретные реалии, а ключевые символы, в частности, символ «пса безродного», лишаются своей многозначности, ибо переводчик, вероятнее всего, желая сделать образ более понятным читателям, истолковывает его как символ «старой эпохи».

Третья глава «Египетские мотивы и образы в творчестве А. Блока» посвящена динамике и многоаспектности египетских мотивов и образов в произведениях А. Блока. Ее открывает параграф **«Рецепция египетской культуры в искусстве Серебряного века»**.

Здесь рассматриваются те причины, которые определили особенную актуальность древнеегипетской культуры в искусстве Серебряного века и, прежде всего, в творчестве символистов. На рубеже XIX – XX вв. традиционный для русских писателей интерес к восточным культурам не только становится более интенсивным и многоаспектным. Он устремляется, если так можно сказать, вглубь культур, распространяется на древнейшие пласты восточных культур, в том числе, и тех стран, которые в Средние Века вошли в состав Арабского халифата, обогатили арабо-мусульманскую культуру собственным уникальным духовным наследием, но и испытали ее влияние. Это, прежде всего, культура Египта.

Одной из причин интереса именно к египетской культуре становится зарождение русской египтологии, расшифровка папирусов, предпринятая В. С. Голенищевым, О. Э. Леммом, Б. А. Тураевым, что еще более обострило интерес к экзотическому миру Египта.

---

¹⁶ أبو بكر يوسف // الكسندر بلوك مختارات شعرية (الغربية), موسكو - رادوغا 1985 ص 241-223. М., 1985. С. 223-241.

Другой, не менее важной причиной является интерес к оккультным учениям, к магии, к астрологии, основы которой формировались в том числе и в Древнем Египте. Этот интерес, вызванный духовным кризисом, который переживали и западноевропейские, и русские писатели, был наиболее обостренным именно у символистов, что объяснялось целым рядом причин. Прежде всего, символистской антропологией, убеждением в том, что человек рубежа веков – это новый человек, отмеченный не только особенной чуткостью восприятия, наличием «шестого чувства», но и обладающий «памятью о памяти», способностью помнить о прошлом человечества как личном прошлом. «Тысячелетия прошлого не вне нас, а – в нас они, с нами, – утверждал А. Белый, – и в движении нашего пальца, в улыбке, в манерах, <...> во всем строе жизни – осуществившийся синтез Египта, Халдеи, Ассирии и т. д.»¹⁷. Эклектизм символизма предполагал сознательное «собрание опыта прошлого», но истолковывался и в платоновском смысле – как припоминание опыта бессмертной души: того личного прошлого, которое таится в душе и всплывает в критический момент.

Древнеегипетская культура и история действительно воспринимаются символистами не столько как экзотический мир, сколько как мир близкий, позволяющий через познание «другого», «инакого» мира познать свой собственный мир.

Столь же важной причиной глубокого личного восприятия мистического опыта Древнего Египта, как полагает автор диссертации, становится идея теургии, представление младосимволистов о художнике как теурге. Осуществление теургических задач предполагало духовное преображение, «личную приготовленность», которую можно обрести после прохождения нравственных испытаний, наподобие искусов, переживаемых неопитом в мистериях, прежде всего, древнеегипетских.

В параграфе дан подробный обзор фрагментов переписки А. Блока и А. Белого, свидетельствующей об устойчивом интересе к египетской культуре, в первую очередь – к египетским мистериям, мифам и обрядам.

В параграфе **«Образ жреца в ранней лирике А. Блока. Мотивы инициации»** на разнообразном поэтическом материале показана актуальность для Блока проблемы мистерий, прежде всего, египетских мистерий посвящения. Понимание значимости мистериального опыта имплицитно отразилось в стихотворениях разных лет, в которых Блок представляет своего лирического героя неопитом, проходящим путь к посвящению. В этом же ключе рассматривается образ жреца как в ранних стихотворениях («Мой дух летит туда, к Востоку...», 1900, «Мы – чернецы, бредущие во мгле...», 1902), так и в исторических картинах «Рамзес» (1919).

В работе подчеркивается, что в рамках любовной темы активно звучат мотивы жреческого служения, таинства, поклонения и жертвоприношения.

---

¹⁷ Белый А. На перевале. Кризис жизни. Пг., 1918. С. 25.

Лирический герой выступает в роли жреца, служителя культа богини, своей возлюбленной. Он приносит символические жертвы этой любви, влюбленные разжигают жертвенный огонь «непорочной страсти». Однако и оксюморон «непорочная страсть», и трагическая тональность стихотворения говорят о противоречиях в переживаниях героев, предвещают трагический финал.

Семантика другого ключевого «египетского» образа блоковской лирики – сфинкса – рассматривается в параграфе **«Образ сфинкса в поэзии А. Блока»**. Этот образ сопутствует описанию пути лирического героя Блока на протяжении трех книг его «романа в стихах». Начало пути (первая книга) связано с противоречивыми и драматичными поисками духовного опыта: персонаж Блока устремлен и на Восток, к откровениям Корана, но жаждет и монастырского служения и православной молитвы. Это период сложного самоопределения, духовной инициации героя. Образ сфинкса («Сфинкс», 1902, 1918) вносит дополнительные аспекты в звучание мотива инициации, мотива пути героя к высшему знанию. Сфинкс выступает как универсальный символ тайны, которую должен разгадать герой. Смысл тайны – Любовь, однако, герою неизвестно ее истинное название – на древнем языке.

Образ сфинкса является «спутником» темы Любви и в стихотворении второго тома блоковской лирики – «Снежная дева» (1907). Но меняется облик сфинкса в этом стихотворении: это – уже не дух пустыни, не страж тайны, а статуя с «выщербленным ликом» на набережной Невы. Сфинкс призван напомнить Снежной деве, демонической спутнице героя, ее родину – «родной Египет». Египетские «корни» Снежной девы – скорее всего, аллюзия на известное стихотворение Вл. Соловьева «Три свидания», где описывалась встреча лирического героя с Душой мира в египетской пустыне. Эта аллюзия позволяет представить и Снежную деву воплощением Души мира. Однако «выщербленный» лик сфинкса (ассоциирующийся с мотивом «ущерба», ставшего знаком демоники блоковского героя), как и другие «спутники» Снежной девы (мотивы ночи, снежной бури, тумана), имплицитно акцентируют демонизм мира и самой блоковской героини, позволяют согласиться с А. Белым, истолковавшим новую блоковскую героиню как «противообраз» Души мира.

Наконец, финал «романа в стихах» содержит центральное для образа блоковской России сравнение: Россия – Сфинкс. Такая логика развития образа сфинкса укладывается в рамки авторской композиции трилогии, «трилогии вочеловечения», финалом которой должно стать «рождение человека «общественного», художника, мужественно глядящего в лицо миру». Получается, что, появившись в самом начале творческого пути, образ сфинкса венчает его в финале трилогии, усиливая кольцевую композицию «романа в стихах». И если у истоков поэтического пути лирический герой отвечает на загадку сфинкса словом Любовь («Я услышу забытое слово Любовь»), то на исходе пути ответ на загадку связан не просто с человеком или его поколением, а с образом целой культуры, историческим опытом страны. Можно сказать, что образ сфинкса в контексте

поэзии Блока содержит в себе три измерения: религиозно-мифологическое, чувственное и культурно-историческое. Кольцо композиции блоковской трилогии замыкается в «Скифах» на рождении человека «общественного».

В параграфе **«Образы Снежной девы и Клеопатры в творчестве А. Блока»** автор диссертации обращается и к лирике второго тома, и к статье «О современном состоянии русского символизма» (1910), в которой не случайно упоминается имя Клеопатры. Образ Клеопатры в этой важнейшей для духовных исканий Блока статье возникает не только имплицитно: имя египетской царицы звучит в размышлениях о назначении поэта. Ассоциация с Клеопатрой определяется принципиальной для блоковской концепции поэта идеей царственности поэта. Клеопатра символизирует красоту внешнюю, между тем как высшей красотой должна быть красота подвига, доступная только царям. Самоубийство Клеопатры воспринимается Блоком как символический поступок – «гибель в покорности», альтернативой которому должен быть иной поступок – «подвиг мужественности»¹⁸. Это размышление позволяет понять и соотнесенность глубоко личной темы судьбы поэта и образа Клеопатры в более раннем произведении А. Блока – в стихотворении 1907 г. «Клеопатра».

В диссертации образ Клеопатры, вслед за А. Белым, рассматривается и как одно из воплощений «противообраза» Софии – Ахамот, иначе говоря, как один из ликов героини второго тома блоковской лирики – Снежной девы, Незнакомой («Снежная маска»), Незнакомки. Основаниями для сближения этих героинь становятся демонизм героинь и их связь с Египтом, иногда эксплицированная, иногда имплицитно содержащаяся в мотиве «древних поверий». Сближают стихотворение и циклы, вдохновленные Н. Н. Волоховой, и образы лирических героев, отмеченных единством душевного состояния. Можно сказать, что герой «Клеопатры» переживает нравственное возмездие за те порывы, которые испытал герой «Снежной маски».

В заключительном параграфе третьей главы **«Египетские мотивы и образы в пьесе А. Блока «Рамзес»** анализируется пьеса «Рамзес» как своеобразная кульминация развития египетской темы в творчестве Блока.

Акцентируется внимание на том, что в «Рамзесе» автор не только демонстрировал познания в древней истории, но и стремился вновь поставить вечные вопросы, прежде всего, проблемы назначения человека, которому даны пророческий дар и право видеть то, что не видят непосвященные. Получив задание создать исторические картины, своего рода исторические иллюстрации, позволяющие читателю ярко представить характерные стороны египетской жизни, А. Блок написал произведение более сложное и глубокое, чем это представляется на первый взгляд.

---

¹⁸ Блок А. А. Собр. соч. : в 8 т.; вступ.ст., подгот. текста и коммент. В. Н. Орлова и др.; АН СССР, Ин-т русской литературы (Пушкинский Дом). М. ; Л., 1960-1963. Т. 5. С. 435.

Материал для «Рамзеса» Блок нашел в книгах Масперо и Тураева, о чем сам автор писал в примечании к пьесе. О том, что Блок стремился добросовестно выполнить такую «иллюстраторскую» функцию в пьесе, свидетельствует богатый этнографический материал, введенный, в первую очередь, в обширные ремарки. Создается впечатление, что Блок максимально широко хотел охватить в рамках сравнительно небольшого произведения разные стороны жизни древнего Египта, представить разные сословия (фараон, чиновники разного ранга, офицеры, ремесленники и проч.) и указать на иерархические законы в этом мире. Читая пьесу, можно узнать, что производили в древнем Египте, чем торговали на базаре. Мы видим древних египтян в разных ситуациях: в их будничной жизни и в момент обострения противоречий между бедными и богатыми. Здесь описываются бунт ремесленников, торжественный выезд фараона, внезапная смерть важного чиновника и убийство толпой беззащитного проповедника.

Но задача, которую решал поэт, не ограничивается созданием драматических иллюстраций к историческим хроникам. На историческом материале Блок ставит «вечные» проблемы, имеющие особенную актуальность для русских поэтов, в том числе и для самого Блока: в первую очередь, проблему пророка и толпы. Сосредоточенность на этой проблеме объясняет в определенной степени те отступления от исторических фактов, которые были отмечены известным египтологом В. Струве, с которым Блок встречался лично и чьим мнением дорожил: «<...>в истории Египта: автором смешаны 2 царя = 2 эпохи – эпоха Рамсеса II (царя XIV стол[етия]) и эпоха Рамсеса III (царя XIII в.). Так, картина развала, которая нарисована автором, относится ко времени Рамсеса III, и то к концу его царствования. Эпоха же Рамсеса II была эпохой (в особенности начало его правления) расцвета во всех отношениях»¹⁹. Другим нарушением исторической правды, явным анахронизмом Струве считал образ пророка, предсказавшего гибель египетской цивилизации и растерзанного за это толпой. По утверждению Струве, «"пророк" говорит языком пророка IX или VIII вв. В эпоху Рамсеса II речи "пророка" немислимы в устах еврея»²⁰.

Образ пророка, действительно, – создание блоковской фантазии, это – один из основных персонажей, он противопоставлен всем: и бедным, и власть имущим. Он – изгой, одинокий и отверженный. Не случайно Блок нашел своего пророка в еврейском народе, погрешив при этом против исторической правды. И столь же не случайно Блок вкладывает ему в уста «речения, заимствованные из ветхозаветной Книги пророка Исаяи», иначе говоря, допускает явный анахронизм.

Но эти отступления от исторической правды объясняются стремлением противопоставить двух «посвященных» – Рамзеса II, земного царя, облеченного высшей властью, и бродячего пророка, бесправного и беззащитного. «Тайное знание» Рамзеса II не соединяется с «тайным действием», он отрешен от земной

---

¹⁹ Бонгард-Левин Г. М. Египетская пьеса Александра Блока. С. 36-37.

²⁰ Там же.

жизни. Пророк, обладающий «тайным знанием», пытается несовершенный мир преобразить. В блоковской пьесе именно образ пророка крайне важен, это – один из ключевых персонажей, равновеликий «посвященному», наделенному особенными полномочиями и особенной властью, – Рамзесу II.

Примечателен в этой связи авторский комментарий, относящийся к фараону: «В нем должно быть подчеркнуто нечто странное, отвлеченное, «красивое» – рядом с очень некрасивым бытом. Ему как бы ни до чего нет дела, в нем заключено древнее воспоминание, и он – чужой среди подданных, как Эдип с юным лицом был чужестранцем ... среди долгобородых фивян, которые никогда не смотрели в глаза Сфинксу»²¹.

Земному царю противопоставлен изгой, но истинный Пророк: именно ему доступно понимание смысла настоящего и подлинное знание о будущем, и его «тайное знание» ведет его к действию – стремлению исправить порочный мир. Уже само именование этого героя Пророком имплицитно указывает на соотнесенность образа блоковского «анахроничного» героя с пушкинским и лермонтовским пророком. На пушкинское стихотворение «Пророк» указывает и общий источник некоторых ключевых образов стихотворения Пушкина и высказываний блоковского Пророка: блоковский Пророк говорит «речениями, заимствованными из ветхозаветной Книги пророка Исаяи», образы из которой стали ключевыми в описании превращения пушкинского героя, «духовной жаждою томимого», в Пророка. А само описание противостояния Пророка и толпы в пьесе Блока является явной аллюзией на лермонтовского «Пророка». Можно отметить и определенную близость блоковского Пророка образам пушкинских юродивых, наделяемых незыблемым правом говорить правду в лицо правителям, не боясь жестокой расправы.

В **Заключении** подводятся итоги предпринятого исследования, отмечается как «избирательность» в подходе к блоковскому наследию в арабских странах, так и «избирательность» блоковского интереса к древнейшим пластам культуры тех стран, которые позднее стали частью Арабского халифата, прежде всего, к культуре Древнего Египта. В целом такой «избирательный» двусторонний интерес позволяет понять и важные интенции в развитии арабской культуры, специфику ее интереса к русской поэзии, и своеобразие блоковских исканий, более того, своеобразие художественных устремлений русских писателей Серебряного века.

**Основные положения диссертации отражены
в следующих публикациях автора:**

**Статьи в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК
Министерства образования и науки РФ:**

---

²¹ Блок, А. А. Собр. соч. : в 8 т. Т. 4. С. 264.

1. Ахмед Аббас Абдулраззак Ахмед. Ранняя лирика А. Блока в арабских переводах / Ахмед Аббас Абдулраззак Ахмед // Историческая и социально-образовательная мысль. Краснодар, 2015. Т. 7. № 4. С. 115-118.

2. Ахмед Аббас Абдулраззак Ахмед. Египетские мотивы в пьесе Александра Блока «Рамзес» / Ахмед Аббас Абдулраззак Ахмед // Социология. 2015. № 1. С. 104-109.

3. Ахмед Аббас Абдулраззак Ахмед. Стихотворение А. Блока «О доблестях, о подвигах, о славе» в переводе Абу Эльшаара / Ахмед Аббас Абдулраззак Ахмед // Успехи современной науки и образования. Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 4. Т. 3. С. 69-71.

Статьи в сборниках научных трудов, материалов научных конференций и других изданиях:

4. Ахмед Аббас Абдулраззак Ахмед. Стихотворение А. Блока «Незнакомка» в переводе Абу Эльшаара / Ахмед Аббас Абдулраззак Ахмед // Междисциплинарные связи при изучении литературы : Сб. науч. трудов / Отв. ред. проф. Т. Д. Белова, А. А. Демченко. Вып. 5. Саратов, 2014. С. 264-269.

5. Ахмед Аббас Абдулраззак Ахмед. Стихотворение А. Блока «Клеопатра» и его арабский перевод / Ахмед Аббас Абдулраззак Ахмед // Междисциплинарные связи при изучении литературы : Сб. науч. трудов / Отв. ред. проф. Т. Д. Белова, А. А. Демченко. Вып. 5. Саратов, 2014. С. 417-423.

6. Ахмед Аббас Абдулраззак Ахмед. Образ жреца в ранней лирике А. Блока / Ахмед Аббас Абдулраззак Ахмед // Проблемы филологического образования : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Л. И. Черемисиновой. Саратов, 2014. Вып. 6. С. 107-110.

7. Ахмед Аббас Абдулраззак Ахмед. Египетские мотивы в ранней лирике А. Блока: образы жреца и сфинкса / Ахмед Аббас Абдулраззак Ахмед // XXXIV Зональная конференция литературоведов Поволжья. Материалы конференции. Казань, 2014. С. 176-181.

8. Ахмед Аббас Абдулраззак Ахмед. Поэма Александра Блока «Двенадцать» в переводе Абу-Бакр Юсефа / Ахмед Аббас Абдулраззак Ахмед // Поволжский педагогический вестник. Самара, 2014. № 3(4). С. 100-105.

Подписано в печать 04.07.2016. Формат 60x84/16. Бумага офсетная.

Гарнитура Times. Печ. л. 1,1.

Тираж 100. Заказ № 234-02.

Издательство «Техно-Декор»,
Саратов, Московская, 160, тел.: 26-38-48,
sar-print.ru